

Послание по электронной почте

Пусть всё меняется на свете,
сменила фото на ФиБи
пускай опять Сабина Бетти¹,
ты связи с прошлым не губи.
Давай припомним время оно
с тобой и прочие века,
сестра моя, Серена Ноно²
спит Серениссима пока.
Давай махнём через ограду
туда, где в прошлом Фриденсрайх³
не воду пил сто раз, а граппу,
чтобы витать в иных мирах.
И мы пределы нашей эры
оставить можем в том саду,
где не найдут карабинеры
нас ни за что, а я найду
в твоих чертах черты Луиджи
и дрожь перкуссии его,
хотя тебе гораздо ближе
совсем иное удальство.
Ты не поклонница перкуссий.
Трость саксофона прикусив,
играй же всласть, чтоб я на русский
перевести мог твой мотив.
Тебе не скажешь: «Недотрога...»
Ты из совсем других особ,
ведь отпечатком пальца Бога
украшен твой высокий лоб.
Ты вся челом в отца Луиджи
и в деда Арнольда... Теперь
нанотехнологи и иже
такими лбами бьются в дверь
или в окошко микромира,

¹Бетти Сабина – итальянский дизайнер, подруга Серены Ноно.

²Ноно Серена – выдающаяся итальянская художница, скульптор, кинорежиссёр и публицист, дочь композитора Луиджи Ноно и внучка Арнольда Шёнберга.

³Фриденсрайх – часть псевдонима австрийского художника и архитектора Хундертвассера (см. примечания к стр.....), имевшего недвижимость в Венеции.

одолевая подлый страх
от Волги до Гвадалквивира...

Но если ждёт роман в стихах,
не надо нанотехнологий,
Серена Ноно, никаких.
Ведущий к саду спуск пологий
тебя уже уводит в стих...



Серена Ноно (Венеция, Италия). Молящаяся.
Холст. Масло. 40x30.

Берёзы

Ещё видна кругом
зелёная трава,
но осень целиком
давно вошла в права.
Листвой захламлины
златою в октябре
окрестные холмы...
Берёзы в серебре...
Пусть ни один с берёз
не получу карат,
но я не тем, чем Крёз,
полвека был богат.
Полётность этих строк
наметилась не вдруг.
Ко мне льнул ветерок,
даруя свист пичуг.
Пока питать корням
дано дерев стволы,
мои хорей и ямб
не будут тяжелы...
Но кольцам годовым
слои в костях под стать.
С небес белёсый дым
вот-вот начнёт сползать...
Вслед золоту холмы
покроет серебро.
Не избежать зимы.
А после бес в ребро...
А далее весной
серёжки на ветвях
и августовский зной,
и неподдельный страх
того, что бес в ребро
ударит вряд ли впредь,
и сократит нутро
свой рацион на треть,
обрушится беда,
вскружится голова,
и осень навсегда
войдёт в свои права...



Серена Ноно. Берёзы.
Холст. Масло. 100x100.



Серена Ноно. Ясно.
Холст. Масло. 50x50.

Белая ночь

С каналом делле Нави
не схож норвежский фьорд.
Хоть в северной державе
и ценится комфорт,
но не настолько, чтобы
пел гондольер-блондин
кому-то про сугробы
или кристальность льдин.
Однако и не надо
тут венецийских чар.
Гармонии громада,
как чайка на причал,
спустилась на округу
в нордической красе,
давая фору югу
на сто процентов все.
С подножья низкой сопки
чарующий ландшафт,
краснея как от водки,
глаза узреть спешат,
пока срок белой ночи
июньской начался,
чья длительность короче,
чем даже полчаса.
Вокруг всё видно ясно.
Над фьордом воздух сух.
Не чувствуется астма.
И обострённый слух
подводный лепет ловит,
над гладью голубой,
покуда песня Сольвейг
звучит сама собой.



Серена Ноно. Спящие фигуры.
Масло и ткань на холсте. 100x100.

Измена

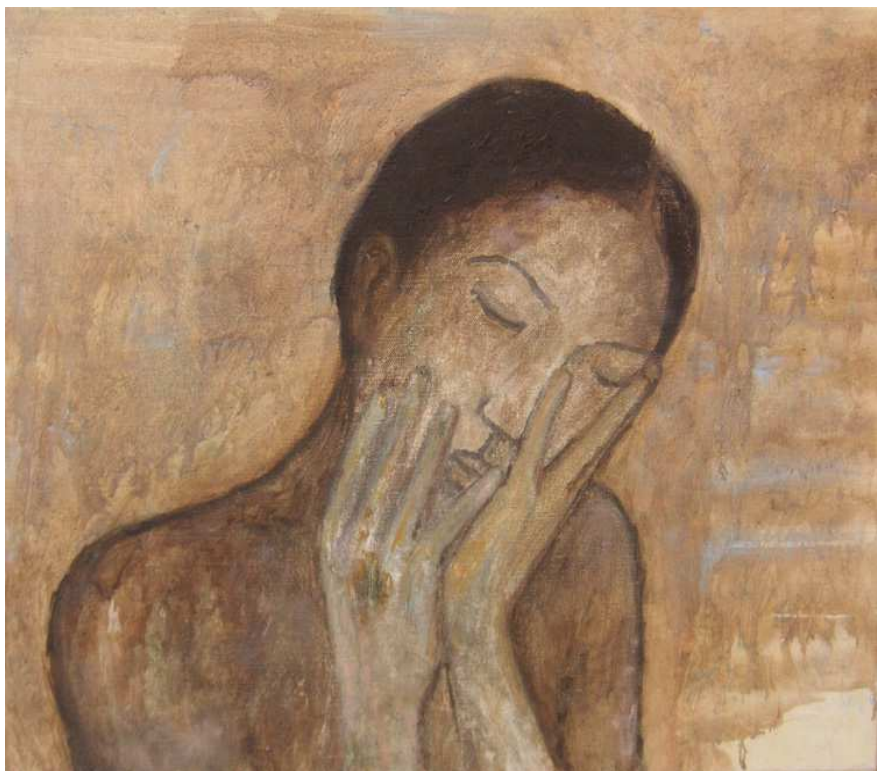
Заснув с тобой в обнимку,
увидел муж во сне,
девчоночку блондинку
на белой простыне.
Не Казанова в юбке,
а ангел во плоти,
она, поджавши губки,
произнесла: «Прости...»
Сдержав на лице краску
с трудом в тринадцать лет,
он молча принял ласку
и подарил в ответ.
Во сне цветном раскрылась,
как яркий зонт, душа,
как нежный амариллис...
роскошно, не спеша...
Она его стыдливость
легко на нет свела.
Он стал как смерч порывист
и услышал слова
не эгоистки – душки:
«Дружочек, а они?»
И встали три подружки
у смятой простыни...
И гордый, и счастливый
он пущен по рукам...
Какие перспективы
и здесь, и тут, и там...
пострела Керубино
теперь ждут впереди!..
Вторая половина,
мальца не разбуди....

Лагуна

Пахнет в воздухе росой –
гибелью тумана.
С горизонта полосой
плотно слит Мурано.
Можно быстро в барку сесть
и приплыть на остров,
где покажет ровно шесть
стрелочный апостроф
на высокой часовой
стефановской башне,
где маэстро с головой
мудрой, как у Грамши,
выдувает из стекла
дивную посуду,
что любого б увлекла
приближеньем к чуду.
Но остывшее стекло
не нежней, чем губка,
и не твёрже, чем кайло.
Совершенство хрупко.
Мы не падки до стекла,
что из дланей падко.
На плечо рука легла...
И горит лопатка...
Нам с тобою не остыть.
Мы пылаем жарко.
Не для нас шальная прыть
и резвушка-барка.
Слиты души, как и плоть.
Никаким тараном
наших чувств не расколоть,
как стекло Мурано.



Серена Ноно. Фигуры.
Холст. Масло. 100x100.



Серена Ноно. Лицо.
Холст. Масло..40x50.

Серена

Ты глаз своих не открываешь,
чтоб отрешившись от земного,
раскрыть истоки мира настужь,
в начале коих было Слово,
материалы, сопроматы –
последствия большого взрыва,
след от которого – стигматы
в пространстве-времени, что криво.
На правой длани гематома
по всем раскладам не случайна:
тебе поведала мадонна,
в чём состоит Христова тайна.
Не мнится связь самообманом
пятна со следом вазелинным
под средним и под безымянным
с Небесным Иерусалимом.
Как будто тысячи иголок
тебя пронзают постепенно,
твой позвоночник рентгенолог
пока исследует, Серена.
Пусть алебастровая кожа
не блещет больше с прежней силой,
зато ты под рентгеном схожа
с палладиевой¹ кампанилой.
Пусть лоб склонён почти понуро,
твоя божественна осанка.
Ты плоть от плоти – Дорсодуро²...
и вся насквозь – венецианка.

¹ Палладио Андреа (наст. имя Андреа ди Пьетро, 1508–1580) – великий итальянский зодчий, с 1558 работавший в Венеции и её окрестностях.

² Дорсодуро (итал. Dorsoduro, букв. Становой хребет) – самый южный район Венеции, расположенный между центром города и лагуной, на территории которого находятся знаменитая Академия, музей коллекции Пеги Гуггенхайм, многочисленные дворцы и церкви.